

Международное частное право

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ МОРСКОЙ АРБИТРАЖНОЙ КОМИССИИ ПРИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Муранов*

Любому, знакомому с российской правовой системой не понаслышке, известно, какое большое количество пробелов, неточностей и несуразностей содержится в российских правовых актах. Отдельную, весьма значительную проблему представляет наличие частых противоречий между различными правовыми актами как разных уровней, так и одинаковой юридической силы. В настоящей статье анализу будет подвергнуто только одно такое противоречие, а именно противоречие между некоторыми действующими в России правовыми актами применительно к признанию и приведению в исполнение на территории России решений Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ (далее также именуемой “МАК”). В основном речь пойдет о следующем, достаточно узком вопросе: на основании какого исполнительного документа должно осуществляться принудительное исполнение решений МАК — выдаваемого государственным судом исполнительного листа или же какого-то иного документа?

Следует специально указать, что данный подлежащий рассмотрению вопрос, несмотря на то, что может казаться слишком узким и малозначительным, на самом деле является весьма наглядной иллюстрацией того, какими недостатками обладает современное российское регулирование деятельности третейских судов вообще, а международного коммерческого арбитража в частности, и по каким направлениям должно идти его совершенствование. И не следует думать, что значение данного вопроса исключительно теоретическое. Нет, как известно, каждое противоречие в нормативном регулировании рано или поздно проявляется в причудливом виде на практике. Ниже, после некоторых вступительных замечаний и пояснений, будет рассказано об истории попытки приведения в

*Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (Университета) МИД РФ, партнер международной юридической фирмы “ММЦП & К^о”. Подробнее об авторе см. в № 4 нашего журнала за 1999 г.

исполнение одного из решений МАК, демонстрирующей, как противоречия между законами способны в реальной жизни повлиять на права кредитора, в пользу которого МАК было вынесено решение.

Но прежде всего было бы целесообразно сказать о МАК несколько слов для того, чтобы читатель, о ней не знающий, получил хотя бы общее представление о том, в чем состоит ее специфика как особого правоприменительного и юрисдикционного органа, действующего на территории России.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статус МАК

Статьи 1 и 2 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже"¹ соответственно предусматривают:

"Статья 1. Сфера применения.

1. Настоящий Закон применяется к международному коммерческому арбитражу, если место арбитража находится на территории Российской Федерации. Однако, положения, предусмотренные статьями 8, 9, 35 и 36, применяются и в тех случаях, когда место арбитража находится за границей.

2. В международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:

спору из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, а также

спору предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, спору между их участниками, а равно их спору с другими субъектами права Российской Федерации. ...";

"Статья 2. Определения терминов и правила толкования.

Для целей настоящего Закона:

"арбитраж" означает любой арбитраж (третейский суд) независимо от того, образуется ли он специально для рассмотрения отдельного дела или осуществляется постоянно действующим арбитражным учреждением, в частности Международным коммерческим арбитражным судом или Морской арбитражной комиссией при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (приложения I и II к настоящему Закону);

"третейский суд" означает единоличного арбитра или коллегия арбитров (третейских судей);

"суд" означает соответствующий орган судебной системы государства;...".

Далее, Приложением 2 "Положение о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже"² устанавливается: *"1. Морская арбитражная комиссия является самостоятельным постоянно действующим арбитражным учреждением (третейским судом), осуществляющим свою деятельность по разрешению споров, отнесенных к ее компетенции статьей 2 настоящего Положения, в соответствии с Законом Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже". ...*

2. Морская арбитражная комиссия разрешает споры, которые вытекают из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих из торгового мореплавания, независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного права либо только российского или только иностранного права. ...

3. Морская арбитражная комиссия принимает к рассмотрению споры при наличии соглашения между сторонами о передаче их на ее разрешение.

Комиссия принимает к рассмотрению также споры, которые стороны обязаны передать на ее разрешение в силу международных договоров Российской Федерации. ...

7. Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации является преемником Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР, образованной в 1930 году, и, в частности, вправе разрешать споры на основании соглашений сторон о передаче их споров в Морскую арбитражную комиссию при Торгово-промышленной палате СССР".

Итак, согласно Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже" МАК имеет статус институционального третейского суда в сфере торгового мореплавания.

При этом существенным моментом является то, что МАК может выступать как в роли международного коммерческого арбитража, так и в роли обычного третейского суда, по своей сути аналогичного упоминаемому во "Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров"³, предназначенного для решения споров во внутреннем российском частноправовом обороте и рассматривающим такие споры между субъектами только российского права, которые не подпадают под перечень споров, разрешаемых международным коммерческим арбитражем согласно пункту 2 статьи 1 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже"⁴. В этом состоит одна из специфических особенностей МАК в отличие от Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (далее также именуемого "МКАС"), который всегда выступает в качестве международного коммерческого арбитража благодаря тому, что состав споров, указываемых в пункте 2 Приложения 1 "Положение о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже", которые могут передаваться по соглашению сторон на рассмотрение МКАС⁵, совпадает с тем составом споров, которые могут передаваться в международный коммерческий арбитраж согласно пункту 2 статьи 1 этого же Закона. Конечно же, сказанное не следует понимать как противопоставление самих терминов "международный коммерческий арбитраж" и "третейский суд": последний в широком смысле охватывает и первый. Речь идет о другом: о противопоставлении международного коммерческого арбитража, разрешающего споры в международном торговом обороте, третейским судам, разрешающим споры во внутриэкономическом обороте, причем на основании именно различий в сферах, где они действуют. При этом каждый из них является третейским судом.

Что же касается статуса МАК в ретроспективе, то следует указать еще на такой момент: будучи созданной при ТПП СССР еще в 1930 году, МАК на протяжении около шестидесяти лет являлась одним из двух авторитетных постоянно действующих в СССР третейских судов⁶ (наряду с Внешнеторговой арбитражной комиссией при ТПП СССР, созданной в 1932 г., в 1987 г. переименованной в "Арбитражный суд при ТПП СССР"⁷, который затем продолжал свою деятельность при ТПП РФ⁸ и, наконец, в 1993 был переименован в "МКАС"⁹).

Оба указанных момента имеют немаловажное значение для рассматриваемого в настоящей статье вопроса.

Вопрос о документе, на основании которого должно приводиться в исполнение решение МАК

Прежде всего, следует отметить, что в Законе РФ "О международном коммерческом арбитраже" не содержится ответа на вопрос о том, на основании каких исполнительных документов решение МАК должно в России принудительно исполняться. Так, пункт 1 статьи 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" этого Закона ограничивается следующим указанием:

“Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36” (выделение мое — М.А.). Однако при этом ни в такой статье 35, ни в статье 36 ничего не говорится о том, какой суд является компетентным для решения вопроса о признании и приведении в исполнение арбитражного решения. Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту арбитража, о котором упоминается в статье 6 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, таким компетентным судом автоматически являться не может, поскольку в той же самой статье Закона функциями по рассмотрению вопроса о признании и приведении решения международного коммерческого арбитража в исполнение он не наделен, хотя при этом он обладает иными полномочиями, в частности, правом рассматривать вопрос об отмене решения международного коммерческого арбитража и правом решать вопрос о наличии либо отсутствии у международного коммерческого арбитража компетенции рассматривать спор.

Равным образом в данном Законе ничего не говорится о том, на основании каких документов орган принудительного исполнения должен исполнять арбитражное решение — на основании документа, принятого компетентным судом по результатам рассмотрения ходатайства об исполнении, или же на основании какого-то иного документа. Однако, представляется само собой разумеющимся, что коль скоро для принудительного исполнения арбитражного решения этот Закон требует обращения в компетентный суд, то очевидно, что такое исполнение должно осуществляться на основании исполнительного документа, таким судом выданного.

Однако, не все так просто: если мы обратимся, например, к статье 339 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. (далее также именуемого ГПК РСФСР), то мы там обнаружим очень интересное положение, опровергающее только что сделанный вывод. Данная статья гласит: *“Исполнительными документами являются:*

1) исполнительные листы, выдаваемые на основании решений, приговоров, определений и постановлений судов (судей), мировых соглашений, утвержденных судом, решений товарищеских судов, решений третейских судов по спорам между гражданами, решений Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате СССР и арбитражей, специально образуемых для рассмотрения отдельных дел, решений иностранных судов;

1-1) судебные приказы;

2) исполнительные надписи нотариальных органов;

3) исполнительные листы арбитражного суда, выдаваемые в предусмотренных законом случаях на основании судебных актов арбитражного суда и решений третейских судов;

4) надписи председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР о вступлении решения в законную силу;

5) не оплаченные в срок платежные требования, акцептованные плательщиком; 6) удостоверения, выдаваемые по трудовым спорам профсоюзными комитетами предприятий, учреждений, организаций на основании решений комиссии по трудовым спорам или постановлений профсоюзных комитетов предприятий, учреждений, организаций и удостоверения профсоюзных комитетов предприятий, учреждений, организаций по спорам о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца;

7) постановления, выдаваемые комиссиями по делам несовершеннолетних, о денежных взысканиях;

8) постановления, выдаваемые административными органами, о производстве взысканий с граждан в бесспорном порядке;

9) решения исполнительных комитетов районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов о принудительной продаже второго дома, принадлежащего гражданину на праве личной собственности;

10) решения исполнительных комитетов городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов о взыскании с государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций ущерба за поправки посевов и повреждение насаждений;

10-1) решения Советов Министров автономных республик, исполнительных комитетов краевых, областных, районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов о взыскании с совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других государственных предприятий, объединений и хозяйственных организаций независимо от их подчиненности своевременно не внесенных отчислений средств на строительство, реконструкцию, ремонт и содержание местных автомобильных дорог (включая областные);

11) постановления прокуроров о выселении в административном порядке граждан, самоуправно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом" (выделение мое. — М.А.).

Итак, исходя из смысла Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже", принудительное исполнение решения МАК должно осуществляться на основании документа, выданного компетентным судом, в то время как согласно ГПК РСФСР этого не требуется: достаточно, чтобы председатель МАК совершил надпись о вступлении решения в силу (ранее такие надписи оформлялись в виде отдельного документа на бланке, заверявшегося печатью МАК). Противоречие между двумя нормативными актами одного уровня налицо.

Следует особо подчеркнуть, что используемые в пункте 1 статьи 339 ГПК РСФСР слова "*решений арбитражей, специально образуемых для рассмотрения отдельных дел*" на решения МАК распространяться не могут. Данными словами в ГПК РСФСР обозначаются решения арбитражей *ad hoc*¹⁰, то есть третейских судов, специально формируемых для разрешения конкретного дела, а не решения институционных, постоянно действующих арбитражных учреждений, к которым относится МАК¹¹. Очевидно и то, что применительно к решениям МАК не могут быть использованы и слова пункта 1 статьи 339 ГПК РСФСР "*решения третейских судов по спорам между гражданами*": под последними имеются в виду решения третейских судов, действующих согласно Приложению № 3 "Положение о третейском суде" к ГПК РСФСР.

Теперь перейдем к истории реально имевшей место попытки приведения в исполнение одного из решений МАК. При этом единичной в России она не являлась.

ИСТОРИЯ ПОПЫТКИ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ОДНОГО ИЗ РЕШЕНИЙ МАК

Данное решение было вынесено в декабре 1995 г. в пользу одного российского лица против другого российского лица. В добровольном порядке должник решение исполнить отказался. Кредитор обратился в МАК с просьбой разъяснить порядок исполнения решения МАК в такой ситуации. В июне 1996 г. МАК сообщила кредитору следующее: "*Деятельность Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ в настоящее время определяется Законом РФ "О международном коммерческом арбитраже" от 7 июля 1993 г. (Ведомости Верховного Совета РФ, № 32, 1993). Об этом говорится, в частности, в п. 1*

Положения о Морской арбитражной комиссии, являющегося Приложением II к указанному Закону.

С учетом этого, в соответствии со ст. 35 Закона решение Морской арбитражной комиссии признается обязательным, и подлежит исполнению на основании письменного ходатайства, подаваемого стороной в компетентный суд, каковым является народный суд по месту нахождения другой стороны (должника) либо ее имущества. Соответственно, исполнительным документом является теперь не надпись председателя Морской арбитражной комиссии о вступлении ее решения в законную силу, как было прежде (п.4 ст. 339 ГПК), а исполнительный лист, выдаваемый судом по предъявлении решения к исполнению (решение МАК, как и любые другие арбитражные решения, на которые распространяется Закон от 7 июля 1993 г., "признаются обязательными" в силу закона, как об этом прямо указано в п. 1 ст. 35).

Таким образом, в отношении всех арбитражных решений, на которые распространяется Закон от 7 июля 1993 г., включая решения Морской арбитражной комиссии, функции исполнительного производства, равно как и оформления исполнительных документов (в порядке п.1 ст.339 ГПК), возложены на народные суды.

Что касается Морской арбитражной комиссии, мы можем лишь направить Вам удостоверение того, что решение, вынесенное Морской арбитражной комиссией, было направлено надлежащим образом и вручено ответчику. Такое удостоверение при этом прилагается¹².

Кредитор обратился в Василеостровский районный федеральный суд г. Санкт-Петербурга с письменным ходатайством о приведении в исполнение вынесенного в его пользу решения МАК. Однако в марте 1997 г. данный суд в лице судьи и судебного исполнителя прореагировал на такое ходатайство следующим образом: "Василеостровский федеральный суд Санкт-Петербурга возвращает документы для надлежащего оформления согласно ДЕЙСТВУЮЩЕЙ инструкции об исполнительном производстве, утвержденной приказом министра юстиции СССР от 15.11.85 года № 22, гл.1, п.23.6 /отсутствует надпись Морской арбитражной комиссии о вступлении решения в законную силу/".

И действительно, пункт 23 формально в России не отменявшейся Инструкции об исполнительном производстве¹³, утвержденной Приказом Минюста СССР от 15 ноября 1985 г. № 22 "Об утверждении Инструкции об исполнительном производстве", повторяя ГПК РСФСР, предусматривал, в частности: "Исполнительными документами являются:

1) исполнительные листы, выдаваемые на основании решений, приговоров, определений и постановлений судов, мировых соглашений, утвержденных судом, решений товарищеских судов, решений третейских судов по спорам между гражданами, решений Внешнеторговой арбитражной комиссии и арбитражей, специально образуемых для рассмотрения отдельных дел, решений иностранных судов; ...

б) надписи председателя Морской арбитражной комиссии о вступлении решения в законную силу; ...".

Кредитор обратился в МАК с просьбой выдать ему надпись председателя МАК о вступлении решения в законную силу. В мае 1997 г. им был получен следующий ответ: "... сообщаем, что в отличие от ранее действующего порядка, в настоящее время в свете Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" от 7 июля 1993 г., в Приложении II к которому содержится новое Положение о МАК (Ведомости ВС РФ, № 32, 1993), председатель МАК не выдает документов на исполнение решений Комиссии, ибо их выдача возложена на компетентный суд (ст. 35), каковым является народный суд по месту нахождения должника или его имущества. Что касается самого арбитражного решения, то оно в силу ст. 35 признается обязательным и подлежащим исполнению, по смыслу — со дня получения решения

сторонами. Что же касается исполнительных документов, сроков их выдачи и т.д., то эти вопросы входят в компетенцию суда.

В связи с отказом суда в рассмотрении просьбы пароходства о выдаче исполнительного листа полагаем, что надлежащий путь — это подача жалобы на указанный отказ”.

После обращения кредитора в Санкт-Петербургский городской суд заместитель председателя этого суда 22 июля 1997 г. направил председателю Василеостровского районного федерального суда г. Санкт-Петербурга письмо, в котором, в частности, говорилось: “Направляю в Ваш адрес документы..., неосновательно возвращенные судьей..., для приведения в исполнение решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате...”.

Обращаю Ваше внимание на то, что в соответствии со ст. 35 Закона РФ от 07.07.93 “О международном коммерческом арбитраже” арбитражное решение приводится в исполнение компетентным судом на основании ходатайства стороны и заверенной копии арбитражного решения.

Компетентным судом является районный суд по месту нахождения должника — в данном случае Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга. Ходатайство... и заверенная копия арбитражного решения имеются.

Требование судьи... о необходимости получения надписи Морской арбитражной комиссии о вступлении решения в законную силу противоречит Закону РФ “О международном коммерческом арбитраже”, которым не предусмотрены срок и порядок вступления арбитражного решения в законную силу, но из смысла которого следует, что арбитражное решение подлежит исполнению, если должник, получивший решение, его не оспаривает.

Поскольку Морская арбитражная комиссия сообщила, что ответчик решение получил и его не оспаривал, предусмотренные ст. 26 Закона от 07.07.93 основания для отказа в приведение в исполнение арбитражного решения отсутствуют у Василеостровского районного суда нет причин для отказа... в исполнении арбитражного решения”.

После этого, оказавшиеся, очевидно в затруднительной ситуации, судебный исполнитель Василеостровского суда обратился за разъяснениями в Управление юстиции Санкт-Петербурга. Заместитель начальника этого Управления в своем письме от 15 октября 1997 г. сообщил: “В связи с обращением судебного исполнителя с вопросом о правовом обосновании принудительного исполнения решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ... без представления взыскателем надписи Председателя названной палаты разъясняю.

Ст. 5 Положения “О международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации” и ст. 5 Положения “О морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации” содержат лишь формально тождественные условия исполнения решений этих правоприменительных органов:

а) добровольное,

б) принудительное (при неисполнении в добровольном порядке).

Следует иметь в виду, что обе эти статьи не содержат в себе процедуры принудительного исполнения. Они отсылают для определения этого порядка к закону или международным договорам.

Поскольку в нашем случае сторонами по делу являются субъекты российского права, то ссылки на международные договоры лишены правового смысла. Следовательно, здесь уместна ссылка только на закон.

Грамматически тождественное выражение “закон”, употребленное законодателем в ст. 5 Положения “О международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации” и ст. 5 Положения “О морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”,

надо полагать, вводит взыскателя в смысловое заблуждение, результатом которого является отождествление им разных процедур исполнения решений разных субъектов правоприменительной деятельности (Арбитражного суда при ТПП и Арбитражной комиссии при ТПП), что противоречит ст. 339 ГПК РСФСР, так как п. 1 названной статьи в качестве исполнительного документа по исполнению решения Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате называет исполнительный лист, а п. 4 этой же статьи для исполнения решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате предполагает наличие надписи председателя данной Комиссии, а не исполнительного листа.

П. 1 ст. 35 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" предполагает при исполнении арбитражного решения учитывать положения не только названной статьи, но и ст. 36 данного Закона, которая в п. 2 содержит требование непротиворечия исполнения арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации.

Попытка пренебрежения этими требованиями неизбежно ведет к нарушению процессуального законодательства и принципу публичного порядка.

Изложенные аргументы приводят к необходимости отказа взыскателю в его просьбе о принудительном исполнении решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ до представления надлежащих, то есть предусмотренных п. 4 ст. 339 ГПК РСФСР, документов".

Таким образом, в итоге всей этой переписки выявилось два мнения: согласно первому (разделявшемуся судьей и судебным исполнителем Василеостровского районного федерального суда, а также Управлением юстиции Санкт-Петербурга), для исполнения решения МАК в силу статьи 339 ГПК РСФСР была необходима надпись председателя МАК о вступлении этого решения в законную силу, тогда как согласно второму (разделявшемуся МАК и Санкт-Петербургским городским судом) функции МАК ограничивались вынесением решения, после чего исполнительный лист на принудительное приведение этого решения в исполнение должен был по ходатайству кредитора выдавать суд общей юрисдикции первой инстанции.

Соответственно, небольшой и несложный, казалось бы, вопрос, порожденный противоречием в российском законодательстве, в итоге привел к тому, что кредитор оказался лишен возможности эффективно исполнить вынесенное в его пользу решение МАК. При этом истории, аналогичные приведенной, в действительности, как уже говорилось, случались не раз и не исключено, что они могут повториться.

Так кто же в конечном итоге был прав?

ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ МАК

Чтобы правильно и полно ответить на поставленный вопрос, его необходимо разбить на два подвопроса.

Первый должен звучать так: сохраняет ли в свете современного российского законодательства силу норма пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР ("Исполнительными документами являются: ...

4) надписи председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР о вступлении решения в законную силу; ...")?

Второй следует сформулировать следующим образом: какой государственный суд компетентен приводить в исполнение решения МАК?

Пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР в свете современного российского законодательства

Анализ современного российского права позволяет придти к выводу о том, что норма пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР должна рассматриваться как

утратившая силу, несмотря на то, что формально она не отменена, равно как формально не отменены и ссылающиеся на нее подзаконные нормы.

Какой аргумент может быть приведен в пользу того, что данная норма обладает силой? По большому счету только один: ее наличие в ГПК РСФСР. Безусловно, данный аргумент с формально-юридической точки зрения является очень сильным. Тем не менее, ему могут быть противопоставлены доводы, общая совокупность которых указывает на утрату данной нормы силы ввиду, в частности, принципа *Lex posterior derogat priori*. Рассмотрим их поочередно.

1. Прежде всего, пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР следует рассматривать как противоречащий Закону РФ “О международном коммерческом арбитраже”. Как уже говорилось, пункт 1 статьи 35 “Признание и приведение в исполнение арбитражного решения” этого Закона предусматривает: *“Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36”*. Конечно же, данную норму нельзя признать исчерпывающим образом регулирующей рассматриваемый вопрос. Тем не менее, ее смысл достаточно ясен: коль скоро для принудительного исполнения арбитражного решения данный Закон требует обращения в компетентный суд, то очевидно и логично, что такое исполнение должно осуществляться по результатам рассмотрения таким судом ходатайства о признании и приведении решения в исполнение и должно основываться на документах, этим судом в конечном итоге принятых. Очевидно, что такими документами могут быть только определение о приведении решения в исполнение и выдаваемый на его основании исполнительный лист.

1.1. Сказанное подтверждается положениями Указа Президиума Верховного Суда СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI “О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей”¹⁴. До вступления в силу Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений регулировались именно этим Указом (теперь же он применяется в части, не противоречащей Закону РФ “О международном коммерческом арбитраже”). Так вот, последний предусматривает, что по итогам рассмотрения ходатайства о разрешении привести в исполнение иностранное решение суд общей юрисдикции выносит определение о таком разрешении или об отказе в нем, и затем на основании этого определения выдается исполнительный лист: *“2. Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, — по месту нахождения его имущества. ...*

5. Выслушав объяснения должника и рассмотрев представленные документы, суд выносит определение о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда или об отказе в этом. ...

8. На основании решения иностранного суда и вступившего в законную силу судебного определения о разрешении принудительного исполнения этого решения выдается исполнительный лист, который направляется в народный суд по месту исполнения судебного решения”.

Безусловно то, что данный Указ на приведение в исполнение решений МАК не распространяется. Однако очевидно и то, что положения Указа могут быть использованы в рассматриваемой ситуации по аналогии.

2. Далее, сегодня нельзя не учитывать нормы Федерального закона от 21 июля

1997 г. № 119-ФЗ “Об исполнительном производстве”¹⁵. Его статья 7 предусматривает: “1. *Исполнительными документами являются:*

1) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании: принимаемых ими судебных актов; решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов;

решений иностранных судов и арбитражей; решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека;

2) судебные приказы;

3) нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов;

4) удостоверения комиссии по трудовым спорам, выдаваемые на основании ее решений;

5) оформленные в установленном порядке требования органов, осуществляющих контрольные функции, о взыскании денежных средств с отметкой банка или иной кредитной организации о полном или частичном неисполнении взыскания в связи с отсутствием на счетах должника денежных средств, достаточных для удовлетворения требований взыскателя, если законодательством Российской Федерации не установлен иной порядок исполнения указанных исполнительных документов;

6) постановления органов (должностных лиц), уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях;

7) постановления судебного пристава-исполнителя;

8) постановления иных органов в случаях, предусмотренных федеральным законом” (выделение мое. — М.А.). Таким образом, коль скоро МАК, как уже говорилось, является и третейским судом, и международным коммерческим арбитражем, ее решения должны принудительно исполняться на основании исполнительного листа, выданного компетентным государственным судом после рассмотрения соответствующего ходатайства.

Данный закон согласно своей статье 94 вступил в силу через три месяца со дня его официального опубликования. Его текст был опубликован в “Российской газете” от 5 августа 1997 г. и в “Собрании законодательства Российской Федерации” от 28 июля 1997 г., № 30. Соответственно, лица, участвовавшие в описанной выше истории, не имели возможности использовать его в своей аргументации, за исключением заместителя начальника Управления юстиции Санкт-Петербурга, позиция которого была выражена в письме от 15 октября 1997 г. По какой-то причине в этом письме статья 7 Федерального закона “Об исполнительном производстве” не была учтена, что свидетельствует о неправомерности выраженного в данном письме подхода.

2.1. Следует особо подчеркнуть, что подпункт 8 пункта 1 статьи 7 Федерального закона “Об исполнительном производстве” (“постановления иных органов в случаях, предусмотренных федеральным законом”) не следует понимать как распространяющийся на пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР (“*надписи председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР о вступлении решения в законную силу*”): этому даже формально препятствует хотя бы то, что такую надпись “постановлением” назвать нельзя, равно как и то, что ранее в МАК осуществление подобных надписей никакими постановлениями не оформлялось, хотя эти надписи и совершались в виде отдельного документа (не говоря уже о том, что такое распространение невозможно с точки зрения сущностного смысла указанного подпункта 8).

3. На сегодняшний день пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР надлежит рассматривать как противоречащий статье 8 “Требования, предъявляемые к исполнительным документам” Федерального закона “Об исполнительном производстве” (“1. *В исполнительном документе обязательно должны быть указаны:*

1) наименование суда или другого органа, выдавшего исполнительный документ;

2) дело или материалы, по которым выдан исполнительный документ, и их номера;

3) дата принятия судебного акта или акта другого органа, подлежащего исполнению;

4) наименования взыскателя-организации и должника-организации, их адреса; фамилия, имя, отчество взыскателя-гражданина и должника-гражданина, их место жительства, дата и место рождения должника-гражданина и место его работы;

5) резолютивная часть судебного акта или акта другого органа;

6) дата вступления в силу судебного акта или акта другого органа;

7) дата выдачи исполнительного документа и срок предъявления его к исполнению.

2. Исполнительный документ, выданный на основании судебного акта, подписывается судьей и заверяется гербовой печатью суда.

Исполнительный документ, выданный на основании акта другого органа, подписывается должностным лицом этого органа, а в установленных федеральным законом случаях — лицом, выписавшим исполнительный документ. Исполнительный документ заверяется печатью органа или лица, его выдавшего.

3. Содержание судебного приказа и нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов определяется Гражданским процессуальным кодексом РСФСР и Семейным кодексом Российской Федерации. Эти акты подписываются лицами, принявшими или удостоверившими их, и заверяются печатью).

Как видно из этой статьи, отсутствие указанных в ней реквизитов исполнительного документа допускается только для судебного приказа и нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов.

Соответственно, коль скоро все такие реквизиты в надписи о вступлении решения МАК в законную силу никогда не указывались, то даже если бы председатель МАК и совершил подобную надпись, она в свете статьи 8 Федерального закона “Об исполнительном производстве” не являлась бы исполнительным документом.

4. Далее, пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР следует рассматривать как противоречащий пункту 1 статьи 118 Конституции РФ (“Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом”), равно как и аналогичным нормам некоторых других российских законов¹⁶. Кроме того, пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР следует рассматривать как не соответствующий в определенных случаях пункту 3 статьи 35 Конституции РФ (“Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда”).

Не имеется никаких сомнений в том, что термин “суд”, используемый в Конституции РФ, не совпадает по смыслу с этим же термином (в сочетании с определением “третейский”), встречающимся в Законе РФ “О международном коммерческом арбитраже” и Гражданском кодексе РФ. Совпадение их словесной формы не должно вводить в заблуждение по поводу различного их смысла.

Из этого следует, что третейские суды в России правосудие не осуществляют. У них несколько иная функция: по терминологии статьи 11 Гражданского кодекса РФ они производят “защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав”. “Экономические споры, отнесенные законом к ведению арбитражных судов, могут рассматривать и третейские суды. Однако, осуществляемая ими деятельность по защите прав организаций не является правосудием...”¹⁷.

Интересно отметить, что в замечаниях на проект федерального закона “О биржах и биржевой деятельности”¹⁸, приведенных в письме Правительства РФ от 29 декабря 1997 г. № 5194п-Пб¹⁹, было указано: “7. Пункт 3 статьи 24 проекта “Арбитражная комиссия при бирже (биржевая арбитражная комиссия) осуществляет правосудие путем разрешения экономических споров и иных дел, отнесенных к ее компетенции законодательством о третейских судах и положением об арбитражном суде...”

ражной комиссии при бирже (биржевой арбитражной комиссии)" не согласуется с частью 1 статьи 118 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (Конституционным судом, судами общей юрисдикции, арбитражными судами)".

Соответственно, следует признать, что понятие *"защита нарушенных или оспоренных гражданских прав"* шире термина *"правосудие"*. В противном случае, неизбежен вывод о том, что между Конституцией РФ вместе с рядом других законов и Законом РФ "О международном коммерческом арбитраже" и Гражданским кодексом РФ существует противоречие.

На самом же деле никакого противоречия нет: просто разные правовые акты вкладывают в понятие *"суд"* различный смысл, исходя при этом исключительно из удобства словоупотребления или же привычки. Само собой разумеется, что иногда это вызывает неудобства. Кроме того, это свидетельствует о том, что российское государство и право до сих пор не выработали какой-либо целостной позиции по отношению к месту и роли третейских судов в России. Вероятно, именно этим объясняется то, что до сих пор не вступил в силу федеральный закон "О третейских судах", хотя его проект²⁰ уже давно находится в Государственной Думе Федерального Собрания РФ и даже принят ей в первом чтении²¹.

Соответственно, в дальнейшем следует либо терпеть такое неудобство, прибегая к привычному понятию *"третейский суд"*, либо вместо последнего использовать какой-то иной термин, например, *"третейское учреждение"*.

Задачей настоящей статьи не является подробное выяснение того, какую деятельность осуществляют третейские суды, и почему она не может быть названа *"осуществлением правосудия"*. Тем не менее, в качестве предположения можно высказать следующую мысль: коль скоро согласно Гражданскому кодексу РФ государственные суды также осуществляют *"защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав"*, но при этом их деятельность, в отличие от деятельности третейских судов, является осуществлением правосудия, то следует признать, что понятием *"правосудие"* обозначается такое итоговое качество результатов защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав, как их безусловная способность быть осуществленными принудительно при помощи государства. В таком случае все встает на свои места: третейские суды, действительно осуществляя защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав, тем не менее, не могут самостоятельно придавать результатам такой защиты итоговое качество подобной безусловной способности. Последняя может быть придана им. Соответственно, ходатайство заинтересованной стороны о признании и приведении решения международного коммерческого арбитража в исполнение или о выдаче исполнительного листа на основании решения обычного третейского суда для решения экономических споров как раз и преследует цель получения третейским решением безусловной принудительной силы.

Но если все это именно так, то нельзя не прийти к выводу о том, что МАК как третейский суд не имеет полномочий самостоятельно придавать исполнительную силу вынесенным ей решениям.

Соответственно, ни в коем случае нельзя утверждать, что МАК следовало в описанной истории действовать утилитарно и, заботясь не о "формальностях", а об успешной защите прав кредитора, осуществить по его просьбе надписи о вступлении решения МАК в силу. Председатель МАК не мог так поступить и правильно сделал, что не поступил: в противном случае была бы нарушена Конституция РФ.

5. Признание пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР действующим означало бы наделение МАК особым статусом, приданием ему исключительности по сравнению с другими международными коммерческими арбитражами, в частности, МКАС. Между тем, Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" в

принципе устанавливает общий режим для признания и приведения в исполнение для всех арбитражных решений, и в нем нет ничего, что могло бы давать основания утверждать, что решения МАК могут исполняться именно так, как это следует из пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР.

6. Также нельзя не упомянуть и о позиции Высшего Арбитражного Суда РФ в данном вопросе. Так, в письме от 25 августа 1993 г. № С-13/ОСЗ-268 "В связи с принятием Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" он высказал следующее мнение применительно к МКАС и МАК: *"Признание и приведение в исполнение решений этих арбитражных учреждений производится общими судами"*²². Конечно же, данное указание нормативной силой не обладает, но является весомым аргументом в пользу того, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР силу утратил.

7. Кроме того, следует упомянуть, что Государственной Думой Федерального Собрания РФ Постановлением № 3930-II ГД²³ в первом чтении был принят проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О судебных приставах" и "Об исполнительном производстве"²⁴, внесенный Президентом РФ письмом № Пр-297 от 3 марта 1998 г.²⁵. Так вот, пункт 10 статьи 1 проекта этого закона предусматривает применительно к ГПК РСФСР: *"В главе 38 статьи 338, 339, 344 — 365 и 367 исключить"* (выделение мое — М.А.). Следует ли объяснять, почему это было сделано?

8. В качестве еще одного аргумента в пользу отсутствия у пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР силы можно привлечь соображения исторического характера.

На всем протяжении своего функционирования МАК отличалась от Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР тем, что обладала компетенцией рассматривать споры в том числе и только между субъектами отечественного права (хотя с 1987 г. Арбитражный суд при ТПП СССР (так была названа Внешнеторговая арбитражная комиссия при ТПП СССР), а затем и Арбитражный суд при ТПП РФ и, наконец, МКАС также стали обладать такой компетенцией, объемом которой, правда, в различные периоды времени был неодинаков). Соответственно, Внешнеторговая арбитражная комиссия при ТПП СССР обладала компетенцией рассматривать споры только между субъектами права различных стран²⁶.... Объясняется это тем, что, ввиду важности торгового мореплавания в СССР и его специфического характера, был необходим специализированный орган для разрешения возникающих в нем споров, и последний был создан в виде не государственного, а специализированного третейского суда, в который могли обращаться субъекты как отечественного, так и иностранного права.

С этим аспектом был связан ряд других существенных отличий статуса МАК от статуса Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ.

Так, решения МАК, если при их вынесении существенно нарушались или неправильно применялись действующие законы, могли быть отменены Верховным Судом СССР (после 1991 г. соответственно Верховным Судом РФ) по жалобе заинтересованной стороны, поддержанной протестом определенных лиц (или же только по протестам последних): "В месячный срок со дня вынесения Морской арбитражной комиссией мотивированного решения любая из сторон вправе подать на это решение в Верховный Суд СССР жалобу, а Генеральный прокурор или его заместители — принести протест (с направлением копии жалобы или протеста в Комиссию).

Если в решении Морской арбитражной комиссии допущено существенное нарушение или неправильное применение действующих законов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР отменяет по протесту

Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора или заместителей это решение и возвращает дело в Морскую арбитражную комиссию для нового рассмотрения в ином составе арбитров..." 27.

В то же время, решения Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ являлись окончательными и обжалованию не подлежали (другой вопрос, как это соотносилось, например, с положением статьи 151 Конституции СССР 1977 г. о том, что "Правосудие в СССР осуществляется только судом" и аналогичными нормами других нормативных актов СССР и России. Равным образом, такое положение являлось малообъяснимым с 1987 г., когда Арбитражный суд при ТПП СССР и Арбитражный суд при ТПП РФ получили возможность рассматривать споры между субъектами только отечественного права).

В чем же была причина такой разницы в статусе между МАК и Внешнеторговой арбитражной комиссией при ТПП СССР (а впоследствии Арбитражным судом при ТПП СССР и Арбитражным судом при ТПП РФ)?

Прежде всего, когда в 1930 г. готовилось положение о МАК²⁸, его разработчики, учитывая, что на тот момент Великобритания обладала наиболее, пожалуй, развитым арбитражным регулированием, приняли во внимание правила английского права, согласно которым решения арбитражей могли быть обжалованы в государственный суд.

Кроме того, автор настоящей статьи полагает возможным утверждать, что отечественное право, устанавливая вышеуказанные различия, могло, вероятно, изначально исходить из того, что нежелательно осложнять исполнение решений по спорам, в которых одной из сторон всегда является иностранное лицо, возможностью их обжалования: вряд ли бы такая возможность способствовала быстрой и эффективной защите в СССР прав как иностранных, так и отечественных субъектов, равно как и развитию внешней торговли СССР. При этом соображения социалистической законности значения не имели: поддержание последней в отношениях с иностранными лицами приоритетом для советского права не являлось.

Но если это было так, то, поскольку в МАК за разрешением споров обращались и субъекты только отечественного права, последнее, возможно, исходило из того, что за решениями МАК необходим больший контроль, тем более что он, по большому счету, не мог повредить интересам отечественных лиц. Более того, этого же контроля требовал и принцип социалистической законности, распространявшийся, прежде всего, на советских лиц.

Но коль скоро это же самое нельзя было сказать об интересах иностранных лиц (а они также могли обращаться в МАК), то в качестве компромисса был избран такой подход, при котором решения МАК могли быть обжалованы, но только в Верховный Суд, причем только при помощи протестов определенных лиц и только в месячный срок. Но данный компромисс этим не ограничивался: МАК (в виде, возможно, своего рода "компенсации") было предоставлено право придавать принудительную силу своим решениям путем совершения Председателем МАК надписи об их вступлении в законную силу. Можно утверждать, что если решение МАК не отменялось, то есть если ни одна из сторон спора не считала, что ее права решением нарушены, ни тем более государство в лице тех, кто мог принести протест, или в лице Верховного Суда не было расположено соответственно требовать отмены такого решения или отменять его, то тем самым государство фактически санкционировало данное решение, молчаливо придавало ему исполнительную силу, ввиду чего затем оно не могло ни самоустраняться, ни наделять МАК полномочиями в отношении придания данному решению принудительной силы. В самом деле, такой подход обладает определенной логикой, в то время как выдача исполнительных листов для приведения в исполнение

решений МАК государственными судами означала бы, что государство уже вторично одобряет такие решения. Вероятно, для того, чтобы избежать подобной нелогичности, возможность осуществлять правосудие (по смыслу этого термина в современной Конституции РФ) и была передана государством МАК. Таким образом, в данном плане МАК была приравнена по статусу к государственным судам.

То, что МАК действительно в данном аспекте могла рассматриваться как имеющая статус, во многом аналогичный статусу государственных судов, следует и из статьи 76 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1968 г.: "Распоряжение начальника порта о задержании судна или груза по требованиям, перечисленным в статье 75 настоящего Кодекса, действительно в течение трех суток. Если в течение этого срока не состоится постановление суда или председателя Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате о наложении на судно или груз ареста, они подлежат немедленному освобождению".

Подобного права придавать принудительную силу своим решениям не было у Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ. Но следует учитывать, что в то же время их решения являлись окончательными и обжалованию не подлежали. Правда, при этом для их реализации согласно пункту 1 статьи 339 ГПК РСФСР было необходимо обращение в народный суд первой инстанции за исполнительным листом, однако последний выдавался без каких-либо сложностей.

Тем самым создавалась особая система исполнения решений двух указанных третейских судов, в которой были свои собственные "сдержки и противовесы"²⁹.... Тем не менее, несомненно одно: решения МАК все-таки подлежали большому государственному контролю, чем решения Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ.

Соответственно, встает вопрос: коль скоро в 1993 г. Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" допустил обжалование решений и МКАС и МАК, то разве можно утверждать, что государство, поставив решения МКАС под больший контроль, отказалось от контроля над решениями МАК? Однако, именно это утверждает точка зрения о том, что пункт 4 статьи 339 ГПК сохраняет силу. Между тем, исходя из предшествующей логики, которой придерживалось отечественное право, ситуация в новых экономических и правовых условиях должна быть несколько иная: увеличивая свой контроль над решениями МКАС, государство неизбежно должно было увеличить контроль над решениями МАК или, по меньшей мере, не отказываться от него, а это могло быть достигнуто только за счет лишения председателя МАК права совершать надпись о вступлении решений МАК в законную силу.

9. Наличие пункта 4 статьи 339 в ГПК РСФСР объясняется обычным недосмотром законодателя, не искушенного в международном частном праве, а не какой-то преследуемой государством особой правовой целью.

Конечно же, можно указывать на то, что в ГПК РСФСР после вступления в силу Федерального закона "Об исполнительном производстве" изменения вносились уже три раза (Федеральным законом от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в законы и иные правовые акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального конституционного закона "Об арбитражных судах в Российской Федерации" и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации"³⁰, Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 90-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР"³¹ и Федеральным законом от 4 января 1999 г. № 3-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР",

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР³²⁾ и что при этом самым первым из них изменялась и статья 339 ГПК РСФСР (причем пункт 4 этой статьи остался неизменным). Более того, согласно статье 95 Федерального закона "Об исполнительном производстве" Правительство РФ должно было в течение двух месяцев со дня официального опубликования этого закона подготовить и внести в установленном порядке предложения о внесении изменений и дополнений в законодательство России в связи с принятием данного закона. Тем не менее, соответствующий проект был внесен в Государственную Думу Президентом РФ, причем, как уже упоминалось, только в марте 1998 г., то есть на несколько месяцев позднее указанного срока.

Однако, следует еще раз повторить, что никакого глубокого смысла во всем этом нет, а есть обычная неторопливость государственных властей и их невнимание к специфическим вопросам международного частного права.

А чтобы доказать это, необходимо сослаться на пункт 26 Инструкции Госналогслужбы РФ от 15 мая 1996 г. № 42 "По применению Закона Российской Федерации "О государственной пошлине"³³⁾. Он предусматривает: "*С подаваемых ходатайств об отмене решений Морской Арбитражной Комиссии при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации госпошлина взимается в порядке и размерах, установленных с кассационных жалоб на решения суда*".

При этом в данной Инструкции ни слова не говорится о МКАС или других международных коммерческих арбитражах, действующих в России, хотя статья 34 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" допускает возможность подачи ходатайства об отмене решения любого из таких международных коммерческих арбитражей. Кроме того, в самом Законе РФ "О государственной пошлине" подобной нормы никогда не имелось и сейчас не имеется. Не имелось подобной нормы и в ранее действовавшей Инструкции Госналогслужбы РФ от 13 марта 1992 г. № 5 "О государственной пошлине" (с изменениями от 27 августа 1992 г., 26 октября 1993 г., 9 декабря 1994 г.). Более того, и в СССР при обжаловании решений МАК государственная пошлина никогда не взималась³⁴⁾. Ввиду всех этих факторов крайне сложно понять, почему в Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 появился пункт 26.

Объяснение его появления может состоять только в том, что разработчики данной Инструкции знали, что согласно ранее действовавшим нормативным актам о МАК на ее решения сторона спора могла подать жалобу в Верховный Суд, в то время как решения Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ быть обжалованы не могли. Соответственно, по какой-то непонятной причине неведомый разработчик Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 решил связать с уплатой государственной пошлины подачу жалобы именно на решения МАК без учета того, что к тому моменту уже действовал Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже", согласно которому МАК являлась не более чем одним из ряда других международных коммерческих арбитражей.

Еще более интересно то, что, несмотря на такое указание Инструкции Госналогслужбы РФ № 42, Президиум Верховного Суда РФ в Постановлении № 30пв-97 решил, что "Ходатайство об отмене решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации подлежит оплате государственной пошлиной применительно к подп. 8 п.1 ст.4 Закона Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. "О государственной пошлине" (с изменениями и дополнениями)"³⁵⁾.

Таким образом, согласно Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 размер государственной пошлины должен составлять 50 процентов от размера государственной пошлины, взимаемой при подаче исковых заявлений (жалоб) неимущественного характера, а по спорам имущественного характера — от размера

государственной пошлины, исчисленной из суммы, оспариваемой стороной или другим лицом, участвующим в деле (именно такая сумма установлена для пошлин с кассационных жалоб на решения суда пунктом 10 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" в его ныне действующей редакции, изложенной в Федеральном законе от 31 декабря 1995 г. № 226-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"³⁶ с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"³⁷). Согласно же указанию Президиума Верховного Суда РФ размер пошлины должен составлять 15 процентов от минимального размера оплаты труда (подпункт 8 пункта 1 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" в его ныне действующей редакции, изложенной в Федеральном законе от 31 декабря 1995 г. № 226-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине" с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"). При этом в данном подпункте 8 говорится, что он распространяется на оплату пошлиной жалоб *"на решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, иных организаций, должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан"*. Иными словами, МКАС предложено считать *"иной организацией"*, решения которой можно обжаловать.

Впрочем, совсем нельзя исключать того, что позиция Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 и позиция Президиума Верховного Суда РФ друг от друга не отличаются. Дело в том, что до вступления в силу Федерального закона от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине" вышеупомянутый пункт 10 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" являлся в такой статье пунктом 8. После же вступления указанного Федерального закона в силу такой пункт 8 стал пунктом 10, а пунктом 8 стал пункт 6 статьи 4. Коль скоро Постановление № 30пв-97 было принято Президиумом Верховного Суда РФ в 1997 г. и точная дата его принятия неизвестна, можно допустить, что это случилось до 21 июля 1997 г., то есть до того момента, когда вступил в силу Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине". Если это так, то тогда Президиум Верховного Суда РФ, утверждая 6 мая 1998 г. обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам), данный нюанс не учел, и ссылаясь на подпункт 8 пункта 1 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине", в действительности имел в виду тот подпункт, который стал 10, но был 8, и который-то и имелся в виду в пункте 26 Инструкции Госналогслужбы РФ № 42.

Однако, в таком случае с позиций Президиума Верховного Суда РФ согласится невозможно³⁸. Прежде всего, встает следующий вопрос: неужели для определения суммы государственной пошлины для оплаты ходатайства об отмене международного коммерческого арбитража следует сначала определить, какой была бы государственная пошлина, если бы спор рассматривался не международным коммерческим арбитражем, а судом общей юрисдикции?

Впрочем, исходить из ошибочности позиции Президиума Верховного Суда РФ не следует. Во-первых, последняя презюмироваться просто не может. Во-вторых, ходатайство об отмене решения международного коммерческого арбитража вполне можно считать жалобой *"на решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, иных организаций, должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан"*. В-третьих, об этом же говорят содержащиеся в пункте 2 обзора судебной практики

Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам) слова *"Закона Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. "О государственной пошлине" (с изменениями и дополнениями)* (выделение мое — М.А.): дело в том, что в статью 4 Закона РФ "О государственной пошлине" изменения вносились только Федеральным законом от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ. Никаких других изменений не было и Президиум Верховного Суда РФ, утверждая 6 мая 1998 г. обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам), не мог об этом не знать.

Соответственно, кто же тогда прав: Президиум Верховного Суда РФ или Госналогслужба РФ? Представляется, что первый: норма пункта 26 Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 не должна рассматриваться как действующая. И дело здесь не только в том, что в Законе РФ "О государственной пошлине" ничего специально не говорится об оплате пошлиной ходатайств об отмене решений международного коммерческого арбитража³⁹: имеет значение еще и то, что в данную Инструкцию упоминание о ходатайствах об отмене решения МАК попало случайно.

Вместе с тем, нельзя не отметить и то, что Президиуму Верховного Суда РФ не следовало ограничиваться упоминанием об оплате пошлиной только ходатайств об отмене решений МКАС: в самом деле, ему следовало говорить об оплате пошлиной вообще всех ходатайств об отмене решений международного коммерческого арбитража. Иначе может получиться абсурдная ситуация: согласно Президиуму Верховного Суда РФ ходатайства об отмене решений МАК должны оплачиваться пошлиной в одном размере, а согласно пункту 26 Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 (если рассматривать его как действующий) ходатайства об отмене решений МКАС — в совершенно другом. При этом дополнительно будет еще непонятно, какой должна быть пошлина для обжалования решений других международных коммерческих арбитражей, действующих в России.

Сказанное является еще одним примером некоторой склонности российской правовой действительности к парадоксам.

Но это еще не все, и дело доходит буквально до смешного: в подпункте 8 пункта 2 статьи 399 проекта специальной части Налогового кодекса РФ⁴⁰, внесенного Правительством РФ и принятого Государственной Думой в первом чтении, предусматривается: *"государственная пошлина с подаваемых ходатайств об отмене решений Морской Арбитражной Комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации уплачивается в порядке и размерах, установленных с кассационных жалоб на решения суда"*. Ранее аналогичная норма имела в проекте Налогового Кодекса РФ, внесенном депутатами Государственной Думы Ю.Н. Паршаковым и В.В. Жириновским⁴¹.

Дальнейшие комментарии по этому поводу излишни.

Некоторые предварительные выводы: Таким образом, следует прийти к выводу, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР в свете современного российского регулирования должен рассматриваться как недействующий по причине его явного и действительное противоречия позднейшему законодательству. Несмотря на всю свою историческую специфику, статус МАК сегодня не может быть в чем-то исключительным и не должен отличаться от статуса других международных коммерческих арбитражей в России, ввиду чего ее решения должны приводиться в принудительное исполнение при помощи исполнительных листов, выдаваемых государственным судом на основании таких решений по ходатайству заинтересованного лица.

Иными словами, в описанной выше истории в отношении вопроса о действии пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР Санкт-Петербургский городской суд и МАК были правы, а судья и судебный исполнитель Василеостровского районного федерального суда г. Санкт-Петербурга, а также Управление юстиции Санкт-Пе-

тербурга — нет. При этом следует особо отметить, что позиция последнего, как видно из его приведенного выше письма, состоит в том, что ГПК РСФСР якобы устанавливает для приведения в исполнение решений МКАС и МАК различные процедуры, и последние ни в коем случае нельзя отождествлять: в противном случае, при исполнении решения МАК будет иметь место не только нарушение процессуального законодательства, но и нарушение принципа публичного порядка. Любому, даже поверхностно знакомому с категорией *“противоречие публичному порядку”* в контексте международного частного права, понятно, что ничего общего рассматриваемый вопрос с этой категорией не имеет.

Прежде всего, пункт 3 статьи 339 нельзя отнести не только к нормам публичного порядка, то есть к тем положениям, которые выражают суть основ общественной и нравственной организации российского общества, но даже, как следует из вышеизложенного, к действующим нормам российского права. Кроме того, соответствующая норма пункта 1 статьи 35 “Признание и приведение в исполнение арбитражного решения” Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, использующая понятие “*публичный порядок*” (“1. В признании или приведении в исполнение арбитражного решения, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, может быть отказано лишь: ...

2) если суд найдет, что:

... признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации”), на самом деле имеет в виду вовсе не **процессуальные аспекты** решения вопроса о признании и приведении арбитражного решения в исполнение, но те, явно недопустимые с точки зрения господствующих в России основ правопорядка и нравственности, **материально-правовые итоги**, которые могут иметь место на территории России в результате признания и приведения такого решения в исполнение. Таким образом, Управление юстиции Санкт-Петербурга ошибочно отождествило понятие “*публичный порядок России*” с понятием “*процессуальное законодательство России*”. Между тем, как указала Судебная коллегия Верховного Суда РФ “Содержание понятия “*публичный порядок Российской Федерации*” не совпадает с “содержанием национального законодательства Российской Федерации”⁴² (но только при этом данное высказывание нельзя понимать так, что публичный порядок России следует противопоставлять законодательству России: выражающие такой публичный порядок нормы и положения являются неотъемлемой частью данного законодательства, и иначе быть не может).

Впрочем, Управление юстиции Санкт-Петербурга совместно с судьей и судебным исполнителем Василеостровского районного федерального суда г. Санкт-Петербурга придерживались, очевидно, принципа формализма, который в сфере процесса действительно играет важную роль. При этом в российских условиях он имеет еще большее значение. Конечно же, положительным эффектом данный принцип обладает только в условиях отсутствия противоречий между нормативными актами. При наличии же таких противоречий он скорее играет разрушительную роль, и тогда единственным способом его нейтрализовать является умение правоприменительных органов использовать общие принципы права, глубоко анализировать действующее законодательство, руководствуясь принципом разумности и справедливости.

Между тем, российские правоприменительные органы и многие субъекты права таким общим принципам (включая *Lex posterior derogat priori* — Последующий закон отменяет предыдущий — *лат.*) и даже Конституции РФ предпочитают подзаконные нормативные акты. В связи с этим следует подчеркнуть, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР нашел закрепление в двух подзаконных актах: в уже упоминавшейся Инструкции об исполнительном производстве, утвержденной

Приказом Минюста СССР от 15 ноября 1985 г. № 22 “Об утверждении Инструкции об исполнительном производстве” (в России не отменявшейся), а также в действующих “Правилах безналичных расчетов в народном хозяйстве” от 30 сентября 1987 г. № 2, пункт 283 которых предусматривает: “При взыскании средств на основании исполнительных и приравненных к ним документов взыскатели представляют в банк инкассовое поручение (0401001) со ссылкой на дату и номер исполнительного или приравненного к нему документа...”

*Поручения, основанные на приказах арбитража, решениях суда или исполнительных надписях, učinенных нотариусами, предъявляются при соответствующих подлинных исполнительных документах или их дубликатах. В исполнительных документах должно содержаться полное и точное наименование взыскателя и плательщика, размер взыскиваемой суммы, а также указано, с какого счета плательщика подлежит списанию взыскиваемая сумма. Решение или копия решения арбитража или суда не заменяет приказа арбитража или исполнительного листа. Решения Морской арбитражной комиссии приводятся в исполнение, если они снабжены надписью председателя этой комиссии о вступлении решения в законную силу и оттиском печати”*⁴³ (выделено мною — М.А.).

Соответственно, на практике нельзя исключать возникновение ситуаций, когда при попытке принудительного исполнения решения МАК судебный пристав или особенно банк потребует от взыскателя представления решения МАК и надписи председателя МАК о вступлении этого решения в законную силу. Чем это в итоге может кончиться для взыскателя, в свете вышесказанного объяснять излишне.

Государственный суд, компетентный приводить в исполнение решения МАК

Теперь необходимо выяснить вопрос о том, какой государственный суд компетентен выдавать исполнительные листы на основании решений МАК.

Как уже говорилось, Закон РФ “О международном коммерческом арбитраже” прямого ответа на данный вопрос не содержит: пункт 1 его статьи 35 ограничивается указанием на необходимость обращения в “компетентный суд” (“Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36”).

Соответственно, для получения ответа на интересующий нас вопрос следует обратиться к иным актам, прежде всего, к Федеральному закону “Об исполнительном производстве”. Как уже упоминалось, его статья 7 предусматривает: “1. Исполнительными документами являются:

1) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании:

принимаемых ими судебных актов;

решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов;

решений иностранных судов и арбитражей; ...”.

Однако, в этой статье используется общий термин “суд” и не указано, какой именно из государственных судов компетентен выдавать исполнительные листы на основании решений международного коммерческого арбитража и иных третейских судов. При этом из статьи 1 и пункта 3 статьи 6 этого же Федерального закона соответственно следует, что понятие “судебные акты” применимо к судебным актам как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, а понятием “суд” охватываются как первые, так и последние⁴⁴.

Таким образом, для получения более детального ответа необходимо, очевидно, обратиться к актам, регулирующим деятельность российских судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов⁴⁵.

Сразу же можно без труда обнаружить, что государственные арбитражные

суды не могут считаться компетентными рассматривать ходатайства о признании и приведении решений МАК в исполнение. По общему правилу, в соответствии со статьей 25 “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров” государственные арбитражные суды обладают компетенцией выдавать исполнительные листы для принудительного исполнения решений обычных третейских судов для разрешения экономических споров: *“В случае неисполнения ответчиком решения в установленный срок исполнительный лист выдается арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, края, области, города, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд”*. Однако, согласно статье 1 этого же “Временного положения” оно *“не распространяется на организацию и деятельность ... Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”*⁴⁶. Конечно же, слова *“организация и деятельность”* могут толковаться как не имеющие в виду аспект рассмотрения вопроса о признании и приведении решений МАК в исполнение, однако, такое толкование вряд ли будет правильным. Кроме того, в пользу недопустимости такого толкования свидетельствует позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженная применительно к МКАС и МАК в письме от 25 августа 1993 г. № С-13/ОСЗ-268 “В связи с принятием Закона Российской Федерации ”О международном коммерческом арбитраже”: *“Признание и приведение в исполнение решений этих арбитражных учреждений производится общими судами”*⁴⁷.

Соответственно, государственный арбитражный суд если и сможет когда-нибудь получить компетенцию выдавать исполнительные листы для принудительного исполнения решений МАК, то это произойдет никак не ранее внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ или же после принятия специального федерального закона о третейских судах в Российской Федерации⁴⁸ (впрочем, согласно имеющемуся на сегодня проекту федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”⁴⁹ он на международный коммерческий арбитраж не распространяется).

Таким образом, при помощи метода исключения остается предположить, что государственными судами, компетентными выдавать исполнительные листы для принудительного исполнения решений МАК, являются суды общей юрисдикции.

В пользу этого также свидетельствует пункт 1 статьи 339 ГПК РСФСР, в котором говорится, что исполнительными документами являются исполнительные листы, выдаваемые на основании решений Арбитражного суда при ТПП СССР (преемником которого является МКАС⁵⁰). При этом очевидно, что данная статья не может не исходить из того, что исполнительные листы выдаются судами общей юрисдикции. Учитывая, что Закон РФ “О международном коммерческом арбитраже” устанавливает по общему принципу одинаковую процедуру признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража, следует признать, что исполнительные листы на основании решений МАК также должны выдавать суды общей юрисдикции.

Остается определить, какой это должен быть суд с точки зрения родовой (или, если так можно выразиться, “иерархической”) и территориальной подсудности.

В приведенной выше истории МАК и Санкт-Петербургский городской суд исходили из того, что с точки зрения родовой подсудности таким судом должен быть суд первой инстанции. Представляется, что данная точка зрения является неправильной. Поскольку прямое регулирование данного вопроса в российском праве отсутствует, для поиска ответа на него опять-таки не остается ничего иного, как прибегнуть к аналогии закона и общим принципам.

Во-первых, согласно статье 6 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” судами, компетентными рассматривать вопрос об отмене решений

международного коммерческого арбитража, действующего в России, являются суды общей юрисдикции второй инстанции, а именно Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту арбитража. Было бы несколько странно, если бы вопрос об отмене решения МАК рассматривал Московский городской суд, а очень близкий к нему вопрос о признании и приведении решения МАК в исполнение рассматривался судом первой инстанции. Такое положение вещей совсем не содействовало бы единообразию судебной практики (которая сегодня в данной сфере наусухо необходимо) и в ряде случаев могло вести к ущемлению прав кредитора, в пользу которого вынесено решение. Что же касается прав должника, то они вряд ли бы нарушались рассмотрением вопроса о признании и приведении решения МАК в исполнение Московским городским судом: коль скоро должник оговорил компетенцию МАК, находящейся в Москве, и для защиты своих прав должен был в Москве присутствовать, для него не должно быть излишне обременительным посетить и Московский городской суд.

Во-вторых, следует сослаться на уже упоминавшийся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей". Его пункт 2 гласит: *"Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, — по месту нахождения его имущества"* (выделение мое — М.А.). Данный Указ продолжает действовать в России в части, не противоречащей последующему законодательству, а его процитированный пункт 2 применим также и к исполнению решений иностранных арбитражей. Соответственно, он может быть применен к признанию и приведению в исполнение решений МАК по аналогии. В самом деле, было бы не совсем логично, если бы сегодня вопрос о приведении в исполнение решений иностранных международных коммерческих арбитражей рассматривали суды одной инстанции, а вопрос о приведении в исполнение решений российских международных коммерческих арбитражей — суды другой инстанции. По меньшей мере, это не соответствовало бы пункту 1 статьи 1 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже", согласно которому *"Настоящий Закон применяется к международному коммерческому арбитражу, если место арбитража находится на территории Российской Федерации. Однако, положения, предусмотренные статьями 8, 9, 35 и 36, применяются и в тех случаях, когда место арбитража находится за границей"* (выделение мое — М.А.). Коль скоро понятие *"компетентный суд"* в статье 35 данного Закона, равно как и условия признания и приведения арбитражных решений в исполнение в статье 36 этого закона, используются по отношению к решениям международных коммерческих арбитражей, как иностранных, так и российских, то было бы логично, если бы таким компетентным судом *de lege lata* (с точки зрения действующего закона — *лат.*) был суд второй инстанции (конечно же, *de lege ferenda* — с точки зрения закона, принятие которого желательно — *лат.*), положение может быть и иное. Однако, в таком случае положение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 года № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей" о компетентном суде должны будут утратить силу).

Что же касается аспекта территориальной подсудности, то, исходя из приведенных выше аргументов, можно утверждать, что именно Московский городской суд, а не какой-либо иной обладает компетенцией выдавать исполнительные

листы на основании решений МАК. Иными словами, компетенцией рассматривать ходатайства о признании и приведении в исполнение решений действующего в России международного коммерческого арбитража должен обладать суд общей юрисдикции второй инстанции по месту нахождения такого. Очень существенно то, что только в таком случае может быть обеспечено единство судебной практики по данному важному вопросу. Такое единство тем более необходимо в условиях, когда длительность широкомасштабного опыта признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража у российских судов насчитывается, по большому счету, еще только несколько лет. Равным образом, в данном случае по уже указанным причинам не нарушались бы права ни одной из сторон спора, по которому международным коммерческим арбитражем было вынесено решение. Ввиду этого предлагаемый Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей" критерий компетенции суда общей юрисдикции второй инстанции по месту нахождения должника или его имущества должен быть отвергнут. Наконец, можно указать и на то, что "Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров" также использует критерий компетенции государственного суда по месту нахождения третейского суда.

Таким образом, можно утверждать, что в приведенной выше истории МАК и Санкт-Петербургский городской суд правильно исходили из того, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР силу утратил, но в то же время неверно полагали, что выдавать исполнительные листы на основании решений МАК компетентен суд общей юрисдикции первой инстанции по месту нахождения должника или его имущества. Представляется, что на выработку такой позиции могла повлиять предшествующая практика выдачи исполнительных листов на основании решений Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ, когда такие листы выдавались народными судами первой инстанции по месту нахождения должника или его имущества.

Правда, все сказанное выше является наиболее верным применительно к тем случаям, в которых МАК, вынося решение, действовала как международный коммерческий арбитраж. Между тем, как уже неоднократно упоминалось, она может действовать и как обычный третейский суд для решения внутренних экономических споров. Однако, при этом упомянутое "Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров" на МАК, действующую в таком качестве, тем не менее, не распространяется. Представляется, что это правильно и применять это "Временное положение" к МАК, ввиду исторических и правовых особенностей последней, все же не следует. В то же время, не вызывает сомнений то, что каким-то образом двойная природа МАК должна быть в российском законодательстве учтена. Вплоть же до этого момента следует исходить из того, что выдавать исполнительные листы на основании решений МАК компетентен Московский городской суд.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

На основании вышесказанного можно прийти к заключению о том, что в российском праве, особенно в той его части, которая посвящена международному частному праву вообще и международному коммерческому арбитражу, в частности, содержится достаточно большое количество пробелов, неточностей и несуразностей.

В дополнение к уже сказанному по поводу последних можно указать еще и на отсутствие регулирования вопроса об уплате государственной пошлины в

отношении ходатайств о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража. Возможность подачи таких ходатайств, как уже говорилось, прямо установлена Законом РФ “О международном коммерческом арбитраже”. Так вот, Закон РФ “О государственной пошлине” содержит норму о том, что с заявленной о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда подлежит уплата государственной пошлины в размере пятикратного размера минимального размера оплаты труда. Казалось бы, все хорошо — международный коммерческий арбитраж является третейским судом. Однако, все дело в том, что указанная норма содержится в пункте 2 статьи 4, который посвящен взиманию пошлины по делам, рассматриваемым государственным арбитражным судом. Между тем, как было показано выше, ходатайства о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража следует подавать в суды общей юрисдикции. Соответственно, не остается ничего иного как придти к выводу о том, что подобные ходатайства не подлежат оплате государственной пошлиной, равно как не подлежат оплате пошлиной и ходатайства о приведении в исполнение решений третейского суда, действующего согласно приложению № 3 к ГПК РСФСР. Впрочем, нельзя исключить того, что приведенная норма пункта 2 статьи 4 Закона РФ “О государственной пошлине” будет использована сторонниками взгляда о том, что компетентными рассматривать ходатайства о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража являются государственные арбитражные суды. Но даже если когда-нибудь Законом РФ “О государственной пошлине” и будет установлена государственная пошлина для оплаты ходатайства о признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража, то очевидно, что она не должна отличаться от размера пошлины, установленной для оплаты заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейских судов других видов. Равным образом, если сегодня при подаче ходатайства о признании и приведении в исполнение решения МКАС, МАК или другого международного коммерческого арбитража заявителю будет предложено уплатить государственную пошлину, то последняя в любом случае не может быть выше пятикратного размера минимального размера оплаты труда.

Таким образом, прежде всего, речь должна идти о том, что все такие пробелы, неточности и несуразности следует как можно скорее исправить, даже если в действительности они затрагивают относительно небольшое количество участников правового оборота. Мелкие недостатки нормативного регулирования, будучи следствием пренебрежения законодательной власти правом, имеют свойство накапливаться в критическую массу, не говоря уже о том, что они либо мешают правоприменительной деятельности, либо по тем или иным причинам многократно увеличиваются последней.

Как бы бессмысленно это ни выглядело, следует еще раз призвать законодательную, исполнительную и судебную ветви власти к тщательности в решении правовых вопросов, особенно в сфере международного гражданского и торгового оборота, в которую вовлечен и международный коммерческий арбитраж.

Сказанное тем более актуально, если учитывать склонность российской правоприменительной практики к формализму и нередко проявляемое нежелание творчески решать возникающие проблемы.

Одним из конкретных средств достижения упомянутых целей мог бы стать специальный детальный закон о третейских судах в Российской Федерации, в котором особое внимание было бы уделено специфике различных видов таких судов, а также вопросу о приведении их решений в исполнение. Современное регулирование данных вопросов весьма далеко от совершенства и казуистично: деятельность различных третейских судов регламентируется отдельными актами,

принятыми в различное время и содержащими отличающиеся друг от друга нормы. Более того, принятый Государственной Думой в первом чтении проект Федерального закона "О третейских судах"⁵¹ также далеко не совершенен и вызывает ряд вопросов.

Наконец, нельзя не упомянуть и о необходимости уточнения в какой-либо приемлемой форме (в том числе в форме истолкования высшими судебными инстанциями) Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" в отдельных его аспектах. Принятие этого Закона явилось для российского права крупным событием. Дело не только в том, что он регламентирует очень важный институт международного торгового оборота, с течением времени приобретающий все большую значимость. Значение данного Закона состоит еще и в том, что он был принят на основе типового закона ЮНСИТРАЛ (Комиссии ООН по праву международной торговли) о международном торговом арбитраже 1985 г. и является одним из инструментов унификации права международной торговли⁵².

Вместе с тем, нельзя не признать, что некоторые положения данного типового закона были восприняты в российском праве по отдельным аспектам несколько механистически. Например, статья 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" дословно повторяет статью 35 типового закона ЮНСИТРАЛ, в том числе слова "*компетентный суд*", так что в итоге в российском праве возникла неясность по поводу того, какой суд является компетентным для признания и приведения в исполнение арбитражных решений. При этом в статье 6 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" точно определены государственные суды, компетентные рассматривать вопрос об отмене решений международного коммерческого арбитража, действующего в России: ими являются суды общей юрисдикции второй инстанции, а именно Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту арбитража.

Вопрос о суде, компетентном рассматривать вопрос о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража, приобрел особую актуальность в последнее время, когда в России начала складываться конкурирующая судебная юрисдикция в сфере признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений⁵³. Как известно, в России споры с участием иностранных лиц могут разрешать как государственные арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции. Однако, при этом вопросы признания и приведения в исполнение иностранных решений по частноправовым вопросам рассматривали и рассматривают, исходя из содержания действующего законодательства, суды общей юрисдикции. Тем не менее, государственные арбитражные суды, получив в 1995 г. компетенцию рассматривать споры с участием иностранных лиц, теперь все чаще утверждают о наличии и у них компетенции рассматривать вопросы признания и приведения в исполнение таких решений (правда, только по экономическим спорам) и, более того, уже начали использовать этот подход на практике (в связи с этим, приведенная выше норма пункта 2 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" об оплате пошлиной заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может приобрести новое, неожиданное звучание). Таким образом, ввиду того, что в каждом из данных двух видов судов может иметься собственное понимание проблем такого признания и приведения в исполнение, выбор российского суда того или иного вида может стать определяющим в успешности попытки добиться признания и приведения в исполнение в России конкретного иностранного решения.

Соответственно, коль скоро лишить государственные арбитражные суды компетенции рассматривать вопросы признания и приведения в исполнение

иностранных решений не только маловероятно, но и не необходимо, следует каким-либо образом разграничить компетенцию между этими двумя видами судов в данной области подобно тому, как их компетенция была разграничена в сфере разрешения споров. Но тогда возникает ситуация, в которой не обойтись без совершенствования Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”: иначе рассматривать вопрос об отмене всех без исключения решений международного коммерческого арбитража, действующего в России, будут суды общей юрисдикции второй инстанции, а рассматривать вопросы признания и приведения в исполнение таких решений смогут, в том числе, и государственные арбитражные суды. Допущение подобного отсутствия единообразия вряд ли можно приветствовать.

Можно упомянуть и о том, что, благодаря точно такому же, несколько механистическому подходу в использовании формулировок типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже применительно к российским условиям, теперь статья 28 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” формально допускает неограниченную “автономию воли” в коллизионном аспекте для субъектов, являющихся исключительно российскими, причем даже в том случае, когда в споре отсутствует какой-либо иностранный элемент: 1) если стороны спора являются участниками российского предприятия с иностранными инвестициями (сравни пункт 2 статьи 1 данного Закона (*“В Международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться: ...*

спору предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации”) с пунктом 1 статьи 28 этого же Закона (*“Третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора. Любое указание на право или систему права какого-либо государства должно толковаться как непосредственно относящееся к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам”*). При этом такой пункт 2 статьи 1 данного Закона можно при желании толковать таким образом, что споры между исключительно российскими участниками российского предприятия с иностранными инвестициями с другими исключительно российскими субъектами права, причем никак с таким предприятием с иностранными инвестициями не связанными, также могут оказываться передаваемыми в международный коммерческий арбитраж, ввиду чего на основании упомянутой статьи 28 эти лица могут без ограничений заранее выбрать применимое к их отношениям право. Тем не менее, представляется, что такое толкование является неправильным. Кроме того, следует признать, что обращаться в МКАС для решения спора участники предприятия с иностранными инвестициями могут только в том случае, если их спор вытекает из отношений участия в таком предприятии); 2) если спор возник из торгового мореплавания (сравни окончание первого предложения пункта 2 “Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”, являющегося приложением 2 к этому Закону (*“Морская арбитражная комиссия разрешает споры, которые вытекают из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих из торгового мореплавания, независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного либо только российского или только иностранного права”*) с уже приводившимся пунктом 1 статьи 28 этого же Закона).

Тем не менее, не следует считать, что российский законодатель намеревался допустить неограниченную “автономию воли” в коллизионном аспекте для внутрироссийского частноправового оборота (хотя в принципе ничто этому не

мешает при условии, что в таком случае иностранное право должно применяться только в части, не урегулированной обычными императивными нормами российского права. Однако, вряд ли такое допущение было бы разумным и необходимым). Соответственно, в правоприменительной практике следует исходить только из того, что неограниченная "автономия воли" в коллизионном аспекте допустима только для правоотношений с иностранным элементом и, следовательно, правило пункта 1 статьи 28 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" применимо только к таким отношениям. Иными словами, в ряде случаев у МКАС и МАК должна отсутствовать возможность применять иностранное право в рассматриваемом ими споре, даже если стороны на таком применении настаивают, ссылаясь на пункт 1 статьи 28 упомянутого Закона.

Наконец, следует упомянуть и о имеющемся в Законе РФ "О международном коммерческом арбитраже" противоречии между пунктом 2 его статьи 1 ("В Международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:

спору из договорных и других гражданско-правовых отношений..., если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, а также

спору предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации") и пунктом 2 "Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации", в котором упоминается о том, что "Морская арбитражная комиссия разрешает споры... независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного либо только российского или только иностранного права". Очевидно, что круг субъектов, упоминаемых в первом случае, может не совпадать с кругом субъектов, упоминаемых во втором.

Представляется, что подобное положение является результатом недостаточно выверенных усилий по адаптированию формулировок типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. применительно к российским условиям, среди которых фигурирует исторически специфический статус МАК, более шестидесяти лет разрешавшей споры как между отечественными и иностранными субъектами права, так и исключительно между отечественными.

С течением времени подлежат приемлемому решению и вопросы, связанные с наличием у МАК как статуса международного коммерческого арбитража, так и статуса обычного третейского суда для решения внутренних экономических споров. На сегодняшний день недостаточно гибкое приспособление формулировок типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже применительно к российским условиям привело к тому, что сегодня МАК обладает весьма необычным статусом. Она является международным коммерческим арбитражем и в то же время обладает ипостасью обычного третейского суда для решения внутренних экономических споров. В последнем случае на нее, однако, не распространяется регулирование, применимое к полностью аналогичным третейским судам, но зато распространяются особые правила, регулирующие международный коммерческий арбитраж. Безусловно, статус МАК был уникальным на протяжении всей истории ее существования, но в то же время нельзя не признать, что такая уникальность была обусловлена спецификой советских реалий, уже прекративших свое существование. Стоять на месте невозможно, и когда-нибудь решать все эти вопросы будет необходимо, с какими бы сложностями разработки детального и особенного регулирования это не было связано. В противном случае, неизбежно возникновение тех или иных вопросов, один из которых может быть следующим: применим

ли Закон “О третейских судах” (в случае его принятия) к МАК, действующей в качестве обычного третейского суда для решения внутренних экономических споров?

Сказанное говорит о том, что использование во внутреннем национальном праве осуществленных на международном уровне рекомендательных разработок является, безусловно, полезным и необходимым, но в то же время не отменяет необходимости учета национальной специфики.

¹ *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*, 1993, № 32, ст. 1240.

² Там же.

³ Утвержденным Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 года № 3115-1 “Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров” (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 30, ст. 1790). Федеральным законом от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 47, ст. 5341) в текст Положения внесены изменения.

⁴ Пункт 2 Приложения 2 “Положение о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации” к Закону РФ “О международном коммерческом арбитраже” устанавливает: “Морская арбитражная комиссия разрешает споры, которые вытекают из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих из торгового мореплавания, независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного либо **только российского** или только иностранного права” (*выделение мое — М.А.*). Между тем, пункт 2 статьи 1 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” предусматривает: “В международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:

споры из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон спора находится за границей, а также

споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации”. Вполне понятно, что субъекты только российского права, упоминаемые в пункте 2 “Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”, могут и не являться предприятиями с иностранными инвестициями или их участниками, как того требует пункт 2 статьи 1 Закона “О международном коммерческом арбитраже”, для того, чтобы спор мог быть передан в международный коммерческий арбитраж. В результате не остается ничего иного, как признать, что МАК может выступать в качестве обычного третейского суда для решения споров, возникающих во внутреннем российском частноправовом обороте.

⁵ Пункт 2 Приложения 2 “Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации” к Закону РФ “О международном коммерческом арбитраже” устанавливает: “В Международный коммерческий арбитражный суд могут по соглашению сторон передаваться:

споры из договорных и иных гражданско-правовых отношений, возникающие при

осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон спора находится за границей, а также

спору предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, спору между их участниками, а равно их спору с другими субъектами права Российской Федерации".

⁶ Более подробно об истории МАК см. работы: Лебедев С.Н. 50-летие советского морского арбитража. — Торговое мореплавание и морское право. Выпуск 10. — М., 1982, с.4-14; интервью с Лебедевым С.Н. (Законодательство, 1998, № 11, с. 2-5). Другая информация по данному вопросу может быть найдена при помощи статьи: Лебедев С.Н. Библиографический указатель публикаций, посвященных организации и деятельности Морской арбитражной комиссии (1931-1981 гг.). — Торговое мореплавание и морское право. Выпуск 10. — М., 1982, с. 67-76.

⁷ Пункт 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1987 г. № 8135-XI "Об Арбитражном суде при Торгово-Промышленной Палате СССР" устанавливал: "*Переименовать Внешнеторговую арбитражную комиссию при Торгово-Промышленной Палате СССР в Арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате СССР*" (Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1987, № 50, ст. 806).

⁸ Постановление Верховного Совета РФ от 20 января 1993 г. № 4323-1 "Об Арбитражном суде, Морской арбитражной комиссии и диспашерах при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" предусматривает: "*1. Установить, что Арбитражный суд, Морская арбитражная комиссия и диспашеры при Торгово-Промышленной Палате СССР продолжают свою деятельность при Торгово-промышленной палате Российской Федерации*" (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 5, ст. 159).

⁹ Постановление Верховного Совета РФ от 7 июля 1993 г. № 5339-1 "О введении в действие Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" устанавливает: "*2. Переименовать Арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации*" (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 32, ст. 1241).

¹⁰ В переводе с латинского языка: "для данного случая".

¹¹ *Гражданское процессуальное законодательство*. Комментарий. — М., 1991, с. 577.

¹² Здесь и в последующих цитируемых документах сохранены, как правило, язык, стиль, орфография и пунктуация оригиналов. При этом такие документы по возможности приводятся максимально полно, однако, с учетом целей настоящей статьи. В частности, для целей соблюдения конфиденциальности наименования сторон не приводятся. Документы МАК приводятся с разрешения ее председателя.

¹³ *Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР*, 1987, № 11. На сегодняшний день данная Инструкция фактически утратила силу в связи с принятием Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ "Об исполнительном производстве". Однако, формально опять-таки отменена она не была. Соответственно, можно считать, что сегодня она действует в части, не противоречащей указанному Федеральному закону.

¹⁴ *Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик*, 1988, № 26, ст. 427.

¹⁵ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 30, ст. 3591.

¹⁶ Так, пункт 1 статьи 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ Э “О судебной системе Российской Федерации” предусматривает: “1. Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия” (*Российская газета*, 1997, 6 января; *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 1, ст. 1).

¹⁷ *Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации*. Со вступительной статьей председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации профессора Яковлева В.Ф. — М., 1998, с. 2.

¹⁸ Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

¹⁹ Не опубликовано. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

²⁰ Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

²¹ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1998, № 9, ст. 1076.

²² *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*, 1993, № 10.

²³ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1999, № 19, ст. 2313.

²⁴ Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

²⁵ Не опубликовано. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

²⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июня 1932 г. “О Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате”. — *Собрание законодательства СССР*, 1932, № 48, ст. 281; Пункт 1 “Положения о Внешнеторговой арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР”, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1975 г. № 1351-IX. — *Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик*, 1975, № 17, ст. 269.

²⁷ Пункт 13 “Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР”, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1980 г. № 3062-X (*Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик*, 1980, № 42, ст. 868). Данное Положение утратило силу согласно пункту 4 Постановления Верховного Совета РФ от 7 июля 1993 г. № 5339-1 “О введении в действие Закона Российской Федерации ”О международном коммерческом арбитраже”.

²⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 декабря 1930 г. — *Собрание законодательства СССР*, 1930, № 60, ст. 637.

²⁹ Следует еще раз повторить, что все сказанное в предыдущих трех абзацах является предположением автора настоящей статьи.

³⁰ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 47, ст. 5341.

³¹ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1998, № 26, ст. 3010.

³² *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1999, № 1, ст. 5.

³³ *Российские вести*, 1996, 11 и 16 июля.

³⁴ См., например, Постановление Совета Министров СССР от 29 июня 1979 г. № 648 “О ставках государственной пошлины” с последующими изменениями (*Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик*: 1979, № 20, ст. 122; 1987, № 28, ст. 100; 1989, № 35, ст. 161; 1990, № 7, ст. 35).

³⁵ Пункт 2 обзора судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам), утвержденного Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 6 мая 1998 г. — *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*, 1998, № 9.

³⁶ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1996, № 1, ст. 19.

³⁷ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 29, ст. 3506.

³⁸ См., например, работу: *Фалилеев П.* Надо ли платить госпошлину при подаче ходатайств об отмене решений Международного коммерческого арбитража? — Российская юстиция, 1997, № 12.

³⁹ Данное обстоятельство может давать основания утверждать, что такие ходатайства вообще не подлежат оплате государственной пошлиной. См., например, работу: *Фалилеев П.* Надо ли платить госпошлину при подаче ходатайств об отмене решений Международного коммерческого арбитража? — Российская юстиция, 1997, № 12.

⁴⁰ Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁴¹ Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁴² Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г. “Вывод городского суда о противоречии решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации публичному порядку Российской Федерации признан неправильным” (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1999, № 3).

⁴³ Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁴⁴ Соответственно: *“Настоящий Федеральный закон определяет условия и порядок принудительного исполнения судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов (далее — судебные акты), а также актов других органов, которым при осуществлении установленных законом полномочий предоставлено право возлагать на граждан, организации или бюджеты всех уровней обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения этих действий”. “Неисполнение указанных в пункте 2 настоящей статьи требований является основанием для наложения судом общей юрисдикции или арбитражным судом (далее — суд) на банк или иную кредитную организацию штрафа в порядке и размере, определенных федеральным законом”.*

⁴⁵ Вполне очевидно, что из всех российских государственных судебных органов только суды общей юрисдикции и государственные арбитражные суды могут обладать компетенцией рассматривать вопрос об исполнении решений третейских судов вообще и решений МАК, в частности. Другие государственные судебные органы, указанные в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации” (Собрании законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 1), например, Конституционный суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, военные суды, такой компетенцией не обладают.

⁴⁶ *“Настоящее Положение не распространяется на организацию и деятельность Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”.* Преемником Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ является МКАС.

⁴⁷ *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*, 1993, № 10.

⁴⁸ Пункт 2 статьи 7 Федерального закон от 5 мая 1995 г. № 71-ФЗ “О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации” (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 19, ст. 1710) устанавливает: *“Впредь до принятия федерального закона о третейских судах в Российской Федерации выдача исполнительных листов по решениям третейских судов производится в порядке, установленном Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1992 года № 3115-1”.*

⁴⁹ Не опубликовано. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁵⁰ Пункт 4 “Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”, являющегося приложением 1 к Закону РФ “О международном коммерческом арбитраже”.

⁵¹ Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁵² *Howard M. Holtzmann, Joseph E. Neuhaus* A Guide To the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. Legislative History and Commentary. — Deventer, Boston, The Hague, 1994.

⁵³ Подробнее см.: *Муранов А.И.* Проблема определения суда, компетентного рассматривать вопрос о приведении в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам. — Московский журнал международного права, 2000, № 1.

Статья поступила в редакцию в октябре 1999 года.

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ: ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Н.В. Приезжая*

Автономия воли сторон при выборе применимого права в процессе разрешения спора в значительной мере ограничивает принцип, согласно которому применение закона, выбранного сторонами, не может нарушать публичный порядок страны, где это применение должно осуществляться. Публичный порядок, связанный с местом арбитражного разбирательства или с местом исполнения решения, является тем пределом применимости иностранного закона, выбранного сторонами, который признается всеми правовыми системами.

Охрана основ всеми признанного устройства, мирового порядка и общественной морали свойственна как любому государству в отдельности, так и региональным и международным сообществам в целом. Статья 6 французского гражданского кодекса гласит, что “нельзя нарушать частными соглашениями общественный порядок и добрые нравы”.¹

Под публичным порядком понимается соблюдение государственных интересов. В широком смысле слова публичный порядок можно приравнять к законодательной политике, и, следовательно, под противоречием общественному порядку понимается все, что относится к противоправной деятельности, ограничению свободы, коммерческой деятельности и естественных или законных прав, все, что препятствует

* Аспирантка Московской государственной юридической академии.